

Литературные известия

№ 9 (255)

Сентябрь 2026

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня
в номере:

Атланты литературы

*

Рецензии

*

Проза

*

Поэзия

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идущая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

**СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!**

www.writer21.ru
т. (495) 978-62-75

Реклама в газете

**«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»**

Вас прочтут
в 100 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

«ОТЛИЧИТЬ ГОЛОС ЧЕСТНЫЙ...»

(Жизнь и творчество Владимира Одоевского)

Владимир Фёдорович Одоевский (1804–1869) — уникальная личность в истории русской культуры. Это не только замечательный писатель, философ, критик, но и разносторонний ученый, педагог, музыковед, юрист, общественный деятель.

Универсальный характер интересов и занятий Одоевского может проиллюстрировать название проекта, предложенного в 1835 году А. С. Пушкину (1799–1837) для совместного издания: «Современный Летописец политики, наук и литературы, содержащий в себе обзор достопримечательнейших происшествий в России и других государствах Европы, по всем отраслям политической, ученой и эстетической деятельности с начала 3-го (последнего) десятилетия 19-го века».

Обширные и многогранные труды Одоевского свидетельствуют о его незаурядной духовной силе, и без нее были бы невозможны. Писатель так объяснял свое стремление к универсальному, всеобъемлющему характеру деятельности: «Это движение по разным путям, невозможное для тела, весьма возможно для духа».

Неслучайно идеалом Одоевского был прославленный русский самородок, ученый-энциклопедист XVIII столетия Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765): «Этот человек — мой идеал; он тип славянского всеобъемлющего духа <...>. Этот человек знал все, что знали в его веке: об истории, грамматике, химии, физике, металлургии, навигации, живописи, и пр. и пр., и в каждой сделал новое открытие, именно потому, что все обнимал своим духом».

«Победа! победа!.. читали вы бюллетень? важная победа! историческая победа! особенно отличились картечь и разрывные бомбы; десять тысяч убитых; вдвое против того отнесено на перевязку; рук и ног груды; взяты пушки с бою; привезены знамена, обрызганные кровью и мозгом; на иных отпечатались кровавые руки. Как, зачем, из-за чего была свалка, знают немногие, и то про себя; но что нужно! победа! победа! во всем городе радость! сигнал подан: праздник за праздником; никто не хочет отстать от других. Тридцать тысяч вон из строя! Шутка ли! все веселится, поет и пляшет...!»

Владимир Одоевский, «Бал»

Творчество Одоевского в настоящее время известно по большей части лишь специалистам-филологам. В то же время произведения писателя представляют не только историко-литературный интерес, но обладают непреходящей художественной ценностью. В них «виден талант могущественный и энергический, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знание человеческого сердца, знание человеческого общества, высокое образование и наблюдательный ум»¹, — отзывался о сочинениях Одоевского объективный и чрезвычайно взыскательный классик русской литературной критики В. Г. Белинский (1811–1848).

Литературный вклад своего собрата по перу также высоко ценил Пушкин. Будучи основателем и редактором журнала «Современник», Пушкин назвал «славной вещью» присланную в журнал повесть «Княжна Зизи» (1836), по поводу которой написал Одоевскому: «всякое даяние Ваше благо. <...> Без Вас пропал «Современник»»².

Основными сотрудниками журнала были сам Пушкин, Гоголь и Одоевский. Об их дружбе, родственности творческих интересов свидетельствует любопытный факт: писатели втроем задумали издание совместного альманаха «Тройчатка». Каждый должен был сочинить свою часть триады. Гоголь по поводу этой работы вел переписку из Рима и так адресовал свои письма: «Много-многолюбимому мною князю Одоевскому».

Лицейский друг Пушкина декабрист В. К. Кюхельбекер (1797–1846) видел в Одоевском продолжателя передовых, освободительных литературных традиций и писал ему в 1845 году из сибирской ссылки, за год до смерти: «Тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного служения к художественной красоте и к Истине безусловной. <...> Но главное то, что ты везде желаешь добра, что ты всегда человек мыслящий и благородный, и притом русский».

Замечательный поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский (1802–1839) — двоюродный брат Владимира Фёдоровича Одоевского — был ему необычайно близок не только по крови, но и по духу: «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан луч-

шими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего везде искал и нигде не находил» («Дневник студента»).

В произведениях Владимира, как и в декабристской поэзии Александра, отразилась та же внутренняя оппозиция к несправедливому самодержавно-бюрократическому строю России.

Так, в стихотворении Александра Одоевского «Бал» (1825) лирический герой во время бала стремится отделиться от бездушного светского общества. Он отворачивается к окну, на время глубоко уходит в себя. Но внезапно возникает фантастическая картина. Летящие в вихре бала пары, сверкающие роскошными нарядами и «свежей красотой», вдруг превращаются в безобразное, безликое сонмище мертвецов, крутящихся в жуткой пляске смерти:

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались.
Плясало сборище костей³.

Владимир Одоевский позднее развил те же мотивы в рассказе «Бал» (1833): «Свечи нагорели и меркнули в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда, волосы, тело... и пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями...»⁴. Впрямь это адское, бесовское коловращение: «а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... все пляшет и беснуется, как ни в чем не бывало» (1, 78).

Такое же беснование, как в аристократическом кругу, отмечал писатель и в чиновничьей среде. Показательна в этом отношении «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое Воскресенье поздравить своих начальников с праздником» (1833), вошедшая в сборник «Пестрые сказки с красным словом» (1833).

Чиновники даже накануне Пасхи, в Страстную субботу — время особого поста и молитвы — не могут оторваться от карточной игры. Они так увлеклись этим богомерзким занятием, что не слышат колокольного звона заутрени; не замечают, что для всего мира настало Светлое Христово Воскресение. Для одержимых игроков в их запертой комнате с наглухо занавешенными окнами все еще продолжается ночь, над ними господствует

Продолжение на стр. 2

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Татьяна Трубникова

Танец и Слово

М., «У Никитских ворот», 2026

Только мое. Пеплос Деметры

М., РСП, 2026

Как распознать среди миллионов прохожих родственную душу? Как, найдя ее, сохранить себя и не раствориться в любви, а потеряв — не очерстветь сердцем и не утратить способность к полноте чувственного переживания? Тонкий, вдумчивый прозаик из Подольска Татьяна Трубникова обратилась за ответами к легендарной паре Серебряного века, чей феерический роман вдохновляет далеко не первое поколение творцов, — образам Сергея Есенина и Айседоры Дункан. Удостоенный Московской областной губернаторской премии по литературе в 2015 году и только что переизданный в новой редакции, роман «Танец и Слово» пронизан тем самым накаленным нервом переломной эпохи, что даровал двум великим художникам способность чувствовать на пределе, когда острота переживания становится одновременно и источником страдания, и условием полноты жизни. Обжигающе страстная история любви в романе Трубниковой становится ответом на жестокость и непредсказуемость эпохи перемен, где в буре исторических событий друг друга находят два существа одной стихии — хоть и разделенные возрастом, языковым барьером и разностью культур.

Уже в самом названии романа отражен его художественный замысел. Танец и Слово — два способа переживать и преобразовать суровую, порой невыносимую действительность, сопротивляться нарастающему хаосу внешнего мира. Дункан вбирает музыку всем телом, отдаваясь каждому ее импульсу. Есенин, оказавшись вдали от родины, продолжает спасать себя божественной силой стиха, способного вместить и моменты восторга, и приступы отчаяния, и неотступно терзающую его ностальгию. Для обоих творчество превыше жизни. И даже превыше любви. Их союз — прежде всего, признание в другом равного по силе дарования, но и столь же уязвимого перед жизнью человека.

В образе Айседоры соединены неземное ощущение избранности и женская потребность в тепле, прикосновении, заботе. Античные уподобления — Афродита, Ника, Ниоба — передают разные грани ее существа: упоение свободой, триумф искусства, оцепенение материнского горя. Античные уподобления и ангельская образность временами даже заслоняют в романе живую неоднозначность героини, придавая ее портрету чрезмерную возвышенность. Однако мы понимаем, что за образом мировой звезды таится раненая душа, которой сцена помогает заново обрести силы жить.

Образ Есенина, хотя тоже чуть излишне «небожительский», создан с сочувствием и пристальным вниманием к присущим ему противоречиям. Нежность в нем соседствует с грубостью, жажда любви — со страхом зависимости, поэтический гений — с мучительной неустроенностью. Обаяние

его ощутимо, но столь же ощутима и боль, которую он принимает близким. Именно эта сложность придает роману психологическую достоверность.

Любовная линия набирает полную силу в эпизоде короткого, почти беззаботного счастья. Холодный гостиничный номер, чугунная печка, ночная прогулка по пустому городу. Знание дальнейшей судьбы героев окрашивает эти страницы пронзительной, щемящей горечью. Революционные надежды сталкиваются с голодом, искусство попадает в зависимость от власти, нарастают подозрительность и страх. Для Дункан столкновение мечты с новой реальностью воплощается в судьбе ее школы. Для Есенина все острее встает вопрос о возможности сохранить собственный голос. История вторгается в их жизнь через повседневные обстоятельства, сужая пространство свободного выбора. Видения, предчувствия, возвращающийся образ Черного Человека создают тревожную мистическую глубину. В конце, дав волю художественной фантазии, Трубникова предлагает собственную версию гибели Есенина, до сих пор овеянную мрачным ореолом тайны.

Сценическая пластика эпизодов, напряженные диалоги и переплетение реального с потусторонним сами собой навевают мысль о кинематографе. На основе своего романа

писательница создала также сценарий драматического сериала «Воскресение Есенина» — восемь серий по тридцать минут.

Тот же вопрос о сохранении себя «людьми без кожи» (по точному определению автора) находит продолжение и во второй книге Трубниковой, вышедшей в свет в этом году, — романе в двенадцати рассказах «Только мое. Пеплос Деметры». Все тот же разговор о чувствах приобретает личностное, почти интимное звучание. Душевная уязвимость, столь существенная для образов Есенина и Дункан, здесь становится точкой отсчета в истории героини Маши, которой предстоит научиться жить и любить вопреки боли и злу внешнего мира, столь чуждого ее ранним творческой натуре. Чувство самосохранения требует от героини перемен, высокая цена которых становится важной частью жизненного опыта.

Самостоятельные рассказы объединяет сквозной лейтмотив: душевная близость героини с отцом, зависимость от чужого мнения, поиск опоры в самой себе. Путь от солнечного детства в Алжире до трудного обретения внутренней свободы Маша проходит через семейные разлады, разочарования и новые встречи. Такая композиция напоминает работу памяти: прошлое возвращается отдельными сценами, значение которых раскрывается спустя годы.

В обеих книгах прозаик пишет о противоречивости человеческих привязанностей и о сложности познания собственного микрокосма. Общность авторского взгляда слышна и в самом языке. Короткие фразы, повторы, восклицания передают неровное дыхание переживания — порой даже избыточно эмоционально. В «Танце и Слове» ритм прозы будто повторяет пластику сценических движений, а есенинские стихи дополняют драматическое действие. В романе «Только мое. Пеплос Деметры» запахи трав и цветов, холод воды, легкий полет качелей возвращают прошлому физическую осязаемость. Самые сильные страницы обеих книг воздействуют на читателя через точную деталь, за которой угадывается состояние души.

Любовь открывает нам другого, искусство дает форму пережитому, а память сохраняет близость к людям и мгновениям, оставшимся в прошлом. Всплывая в хрупкость этих опор, автор утверждает ценность внутренней жизни — и неотъемлемое право каждого человека, несмотря ни на что, оставаться самим собой.

Марианна МАРГОВСКАЯ,
член Союза писателей России

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжение. Начало на стр. 1

адский мрак. И сами они — порождения этого мрака — уже не люди, а тени: «Вот отошла заутреня, отошла и обедня; <...> Вот уже рассвело <...> Но в комнате игроков все еще ночь; все еще горят свечи <...> Наконец догадался один из игроков и, собрав силы, задул свечки; в одно мгновение они загорелись черным пламенем; во все стороны разлились темные лучи, и белая тень от игроков протянулась по полу» (2, 10).

Образ зловещего черного пламени вынесен в эпиграф в виде стихотворных строк князя А. А. Шаховского (1777–1846): «Во светлой мрачности блистающих ночей / Явился темный свет из солнечных лучей» (2, 10). Поэтические оксюмороны «светлая мрачность», «темный свет», выворачивая шиворот-навыворот привычные смыслы, наделяются иным смыслом как inferнальные знаки преисподней.

Бесовские силы сделали своим вместилищем тела заигравшихся бюрократов и сыграли с ними (точнее даже — ими самими) чудовищную шутку. Уже не чиновники играют картами, а ожившие карточные дамы-чертовки, схватив чинуш, начинают играть ими самими. Перед изумленным взором разворачивается немыслимое гротескное зрелище: «карты выскочили у них из рук: дамы столкнули игроков со стульев, сели на их место, схватили их, перетасовали, — и составила целая масть Иванов Богдановичей, целая масть начальников отделения, целая масть столоначальников, и началась игра, игра адская, которая никогда не приходила в голову сочинителя «Открытых таинств карточной игры». <...> Не знаю, долго ли дамы хлопали об стол несчастных Иванов Богдановичей, загибали на них углы, гнули их в парол, в досаде кусали зубами и бросали на пол...» (2, 10–11).

Прочие карты ведут себя, как реальные чиновники, в полном соответствии с бюрократическим ранжиром: «Между тем короли уселись на креслах, тузы на диванах, валеты снимали со свечей, десятки, словно толстые откупщики, гордо расхаживали по комнате, двойки и тройки почтительно прижимались к стенкам» (2, 10).

Таким образом, царские чиновники, государственные служащие, которые якобы призваны поддерживать порядок

в социальной системе, соблюдать законы Божеские и человеческие, по сути своей являются игрушками во власти нечистой силы, марионетками, действующими по дьявольской воле врага рода человеческого. И сами они уже не люди, а призраки, мерзопакостная нежить. Писатель наглядно показывает, что бюрократы разных мастей — всего лишь засаленная колода карт в когтистых лапах заигравшихся бесов, которые тасуют эти карты, как вздумается.

Подобными чудовищными, противоестественными существами кишит «гнусная расейская действительность». Так, в центре наиболее известной повести Одоевского «Княжна Мими» (1834) — образ светской лицемерки, вздорной сплетницы и лазутчицы, которая «вся обратилась в злобное, завистливое наблюдение за другими» (2, 224), разрушая коварными интригами судьбы и жизни людей. Подобные отношения не были редкостью в так называемом высшем обществе: «Оно ничего не боится — ни законов, ни правды, ни совести. Оно судит на жизнь и смерть и никогда не перемениет своих приговоров, если бы они и были противны рассудку» (2, 222).

В то же время Одоевский вскрывает сатанинскую изнанку типичной ситуации. Создается впечатление, что княжна Мими одержима нечистым духом, бесовским наваждением: «она сама не могла дать себе отчета, — эта было темное, беспредметное вдохновение злости» (2, 242). Подобные демонические приметы вплетаются в ткань повести как намеки, тайные знаки. Но в первоначальном замысле писатель устанавливал прямую связь княжны Мими с нечистью. В черновых записях указывалось, что в подвале дома Мими «жило очень почтенное семейство чертей и занималось изящными искусствами: отец пускал мыльные пузыри, мать сплетничала, а дочь с большим выражением пела». В той же компании

«невоспитанный бес “очень дурного тона”, игравший хвостом на фортепьяно» (2, 355).

Эти обитатели преисподней, перекочевав в подвал дома, вселились затем и в его хозяйку. Поскольку она сама опустошила свою душу, вытравила из нее все живое, духовное, человеческое. Здесь просматривается прозрачная ассоциация с евангельской притчей о нечистом духе, нашедшем дом (то есть душу человеческую) «незаятым». Тогда бес «идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мф. 12: 43–45).

Итак, под пером Одоевского титулованные, вельможные особы предстают обесовленными пустышками, внутри которых обрели пристанище лукавые демоны.

В статье «Литературные мечтания» (1834) Белинский высоко оценил глубинную — с христианских позиций — критику Одоевским порочных, низменных сторон аристократического и бюрократического общества: «Как глубоко и верно измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением и таким неослабным постоянством! Он ругается их ничтожеством, он клеймит печатую позора; он бичует их, как Немезида, он казнит их за то, что они потеряли образ и подобие Божие, за то, что променяли святые сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись от Бога живого и поклонились идолам сует, за то, что ум, чувства, совесть, честь заменили условными приличиями»⁵.

Одоевского считали и продолжают считать писателем-романтиком, идеалистом, мистиком. В то же время он вместе с Пушкиным («Пиковая дама», «Гробовщик») и Гоголем

Окончание на стр. 3

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В Москве вышла новая книга известной поэтессы **Татьяны Калининой (Басмановой)** — называется «Другой мне жизни не прожить...», стихи 2024–2025 года. Открываешь твердую обложку книги, как если бы некую дверь, и попадаешь в мир поэзии Татьяны, которая пишет о жизни и смысле жизни, о природе и о «родных просторах», о России, о близких людях, о «любви непритворной» и о нелюбви, о законе бумеранга, и рассуждает о песнях, проверенных временем, и о полсе, о «конъюнктурном музоне», и делает это по-своему, в своем стиле. И пытается ответить на серьезные вопросы: «Кто знает, что такое счастье?», «Отчего у слез соленый вкус?», «И всех ли должно всепрощать?», «И стоит ли замки воздушные строить?..»

Есть у нее в стихах искусные РИФМЫ. Например, рифма с усеченной согласной буквой «г» внутри глагола: «смогла – смола». И ассонансная рифма: «вечер – ветер», с замещением согласной буквы «ч» на «т».

И красивые МЕТАФОРЫ. Например:

Зима «в кружева все деревья одела».
«Как до вершины любви, не сорвавшись, дойти?»

И свои АФОРИЗМЫ, и КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ:

Молва — она и есть молва.
Вслед за печалью снова будет радость.
За добро расплатиться добром.

А какие у Татьяны Калининой (Басмановой) мудрые АЛОГИЗМЫ! Например:
«подчиняясь – править».

И НЕОЛОГИЗМЫ. Например: герой «храбрел» во время шторма!

Море притягивает людей к себе, «волшебствуя приливной волной» (не колдуя, а волшебствуя).

Снеговая буря, буря снега «Посугробила все во столице» (покрыла все сугробами... осугробила).

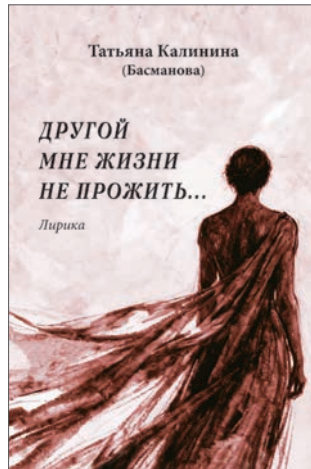
«Отчего безрадостность претит» натуре человека? Не печаль, не грусть, а отсутствие радости в душе.

Часть стихотворений в книге Татьяны Калининой (Басмановой) посвящена родителям поэтессы, за которыми она — с их любовью к ней — была, как за «мощною китайскою стеной», и мужу, «Богом данному», и детям — сыну Тимуру, сыну Михаилу, «а теперь и внукам» — внуку Филечке («Я веснушки твои обожаю»), внуку Антонику (который говорит ей: «— Бабуля, не печалься, знай, / Я по тебе скучаю») и внуку Володеньке («Он беспомощен без нас»)... и своим одноклассникам, которые собрались вместе за столом, чтобы «узнать друг о друге по новой и дружески сдвинуть бокалы за все, что досталось нам в этой жизни» (а «уж кого-то и нет с нами здесь...»).

Стихотворение «Гуталиновая баночка» связано с детством, которое поэтесса вспоминает с ностальгической грустью: «Мы в детстве играли в классики» (в «синоты»), рисова-

Татьяна Калинина (Басманова) Другой мне жизни не прожить...

М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

ли мелом на асфальте квадратики и «прыгали» по ним «на одной ножке» и двигали «через все черточки» гуталиновую баночку. А теперь никто из детей уже не играет в классики, и почти не осталось родителей, которые были детьми и играли в эту игру и знают, и помнят ее.

Маленькая деталь — «гуталиновая баночка», символ детства, в которое поэтессе хотелось бы вернуться, — играет в этом стихотворении очень большую художественную и психологическую роль и трогает душу!

Есть в книге и стихи, написанные с любовью к «родительскому дому и к Родине, которой «суждено, / Великой став, великой быть» и которую не ломит «подлая неонацистская рать», «Ныне и присно, и во веки веков!» Есть и стихи о «героях СВО», о наших бойцах, которым поэтесса поклоняется «нижайше» и за которых молится: «За вас и за ваше бессмертье!» — Как молится она и за Россию, «страдающую».

Не могут не тронуть читателей и стихи, посвященные «лучшему городу Земли» — Москве: «Москва преобразилась, разрослась...».

Но некоторые места в ней чересчур сильно изменились — может быть, на чей-то взгляд, и в лучшую сторону, но стали непривычными для коренной москвички, которой они были дороги, например, «Места родные Старого Арбата»: «Неузнаваем прежний мой Арбат», где появились кафе и рестораны и сувенирные лавки-прилавки, но исчез роддом:

«А на углу Арбата был роддом,
В нем москвичи из года в год рождались...».

И ходит она по старым, обновившимся улицам Москвы и не находит ту улицу, которая была дорога ей с малых лет

и которая была для нее прибежищем счастья: «До той мне улицы, похоже, не дойти, / Где счастья я прибежище увижу...»

Вообще в городе с его многоэтажками и высотками, которые «все — на одно лицо» и которые поглотили в своих «многоквартирных сотах» «сотни друг другу чужих людей», она чувствует себя, будто «на дне колодца», и уезжает, укатывает оттуда в воображении своем за город, в «дачные жилища», в дачный сад, где нет «городской суеты».

Некоторые стихотворения Татьяны Калининой (Басмановой) воспринимаются как мини-спектакли с сюжетом и с постепенным развитием действия. Например, стихотворение «Беда».

Домой к поэтессе (лирической героине), у которой за столом сидят гости, пришла незваная гостья — беда в аллегорическом образе. «И расселась... за столом» и, обращаясь ко всем, «заявила злорадно: «Не звали?!» — меня сюда? И сказала хозяйке, которая ждала к себе домой в гости своего любимого, а его все не было и не было: «Тот, единственный твой, не придет, / И пора распрощаться с гостями...»

И... «Все ушли, но осталась беда...», которая, как говорит-ся, не приходит одна. Чем она и припугнула лирическую героиню: «Знай, что я прихожу не одна...». С ней пришла и «ее свита» — «грусть, кошмары — друзья сатаны».

Но чем в итоге закончился этот спектакль? Тем, что он оказался страшным сном, но, слава Богу, всего только сном, а не явью, и что наша героиня проснулась у себя дома, услышав голос своего любимого:

«Просыпайся, любимая! Жду!
Греть иду тебе кофе остывший!»

Какое счастье! Как хорошо, когда все хорошо кончается!

Татьяна Калинина (Басманова) не жалуется на свою жизнь, и даже когда «ни зги не видно впереди», кричит «Жизнь — прекрасна! Как она — прекрасна!» — и воспевает ее и умеет «радоваться тому, что есть», и не желает себе никакой другой жизни:

Другой мне жизни не прожить.
Даже в мыслях не ищу иную! —

Говорит она. И за все благодарит Небеса, даровавшие ей такую, а не иную жизнь, и идет своей дорогой и не сворачивает с пути, «который Богом дан»... И не хочет, чтобы что-то изменилось в ее прошлом, потому что:

И если бы что-то в прошлом изменилось,
То я была бы в сущности другая.

Да, если бы у Татьяны Калининой (Басмановой) было другое прошлое, другая жизнь и другой путь, то и она была бы другая, но слава Богу, что она такая, какая есть, неповторимая и загадочная, как и ее поэзия!

Нина КРАСНОВА

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

(«Вечера на хуторе близ Диканьки», «Портрет», «Нос») прокладывал в отечественной словесности новаторские пути, стоял у истоков того своеобразного направления, которое впоследствии получило название «фантастический реализм». Глубоко разрабатывали его Ф. М. Достоевский (1821–1881) в своем вершинном романе «Братья Карамазовы» (1881), Н. С. Лесков (1831–1895) в одном из наиболее загадочных произведений русской литературы «Белый орел» (1880).

Причудливая фантастика произведений Одоевского зачастую вскрывает самую суть явлений реальности, помогает их глубинному постижению. Многие «таинственные повести»: «Бригадир», «Бал», «Мститель», «Насмешка мертвеца», как и «Город без имени», «Последний квартет Бетховена», «Себастиан Бах», — были включены писателем в уникальную, главную его книгу «Русские ночи» (1844), которой исполнилось 180 лет. Здесь Одоевский попытался объединить в нераздельное целое «жизнь духовную и жизнь вещественную». В предисловии он указал на необходимость целостного, всеобъемлющего подхода к феномену жизни как на главнейшую задачу человечества: «Во все эпохи душа человека стремлением необоримой силы, невольно, как магнит к северу, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливает сего стремления, ни житейские печали и радости, ни мятежная деятельность, ни смиренное созерцание; это стремление столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходит независимо от воли человека» (1, 31).

«ОТЛИЧИТЬ ГОЛОС ЧЕСТНЫЙ...» (Жизнь и творчество Владимира Одоевского)

Одоевский в корне отрицал какую бы то ни было ложь — признак антихриста, «ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44) — и боролся с ней. «Ложь в искусстве, ложь в науке и ложь в жизни, были всегда и моими врагами, и моими мучителями», — утверждал писатель. В «Записках для моего праправнука о русской литературе» (1840), написанных «в те грустные минуты, когда, теряя веру в самого себя, упрекаешь себя в излишней деятельности, или, теряя веру в других, упрекаешь себя в недейтельности» (1, 260), Одоевский определил свое место среди тех, «которые бы хотели навести мост над бездною!» (1, 264).

Служа «Богу, а не мамоне» (ср. Мф. 6: 24), писатель призывал «отличить голос честный от торгового» (1, 267) не только в литературе, но и во всех сферах жизни человечества: «отделить совершенно литературу от его жизни и его жизнь от литературы все равно что в дождливую ночь

вынести фонарь без свечи или свечу без фонаря. Поставьте, господа, свечку в фонарь! Покройте, господа, фонарем свечку!» (1, 264).

Искания света Божественной Истины, служение ей стали главным смыслом и целью многосторонней деятельности вдумчивого писателя и ученого Владимира Фёдоровича Одоевского. В полном соответствии с заветом апостола Павла, согласно которому людям никогда не следует останавливаться в развитии, в поиске истины, «дабы они искали Бога, не ощущая ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17: 27).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
историк литературы

Примечания

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1953. — Т. I. — С. 97.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — Т. XVI. — С. 210.
- Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений: Библиотека поэта. — Л.: Сов. писатель, 1958. — С. 54.
- Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 78. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1953. — Т. I. — С. 97.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Поэтов, стихотворцев, стихослагателей у нас в народе нередко называют рифмоплетами, которые только тем и занимаются, что плетут рифмы, и только это и умеют делать, и этим и отличаются ото всех людей.

Но в том-то и дело, что стихотворцев, стихослагателей у нас полно, имя им легион, а далеко не все из них умеют хорошо плести рифмы, то есть на самом деле очень мало кто умеет делать это хорошо.

Борис Слуцкий говорил: «Чтобы понять, какие у поэта стихи, мне достаточно взглянуть на его рифмы. И я с первых строк вижу, талантлив он или нет».

Студенты Литинститута им. А.М. Горького, семинаристы из семинара Евгения Долматовского иногда говорили: «А совсем и неважно, какие у поэта рифмы, важно, чтобы у него в стихах была душа и поэзия». А Долматовский отвечал: «Ребята-ы-ы... В стихах все важно, в том числе и рифмы». Конечно, бывает, что есть в стихах и великолепные рифмы, и великолепная техника стихосложения, а души и поэзии там нет. А бывает и наоборот.

Меня приятно удивило и порадовало то, что в стихах Сергея Попова, поэта из Воронежа, выпускника Литинститута и медицинского института, есть и душа, и поэзия, и великолепные РИФМЫ, которые сами по себе уже есть поэзия.

Например: «кружковцы – овцы», «квартир – тир», «стакане – ткани», «столе – хрустале», «грань – рань», «медь – иметь», «шалая – обветшала», «идею – иудею», «межи – ежи», «яд – объят», «перса – перца», «сплава – слава», «глупо – лупа»...

Есть у него и магнитные рифмы, как у Вознесенского и Пастернака:

«по завтрашним берегам» – «позавчерашний бешеный шум и гам»,

«...Нет. Наверное, потом». – «Что за столом глаголить полным ртом?»

А какие у Сергея Попова ГЛАГОЛЬНЫЕ РИФМЫ? Лучше и интереснее многих неглагольных: «прорастает – растает», «учудить – чадить», «смеркаться – сморкаться»...

Уж если речь у меня зашла о художественных средствах, то нельзя не сказать и о том, какие у Сергея Попова АНЖАМБЕМАНЫ:

все озорней рыдает меццо-сопрано в местном бардаке

(В этом анжамбемане слышны переливы голоса и чувств вокалистки, которая выступает в бардаке. — **Н.К.**)

А какие оригинальные у Сергея Попова МЕТАФОРЫ!

...орнамент равнинный и горный

(У равнинного пейзажа свой рисунок и орнамент, а у горного — свой. Какое точное художественное наблюдение и изображение. — **Н.К.**)

липы в неглиже

(Голые осенние или весенние деревья без лиственного одеяния здесь смотрятся, как обнаженные модели. — **Н.К.**)

Реки «передумали» «на север по-старому течь» и поменяли свое направление...

(Мир природы у Сергея Попова — одушевленный мир, со своей душой и со своим поведением. — **Н.К.**)

Сергей Попов

Поздний вираж

Москва, Вест-Консалтинг, 2025

леса голосуют за май

(Леса — со всеми своими деревьями, травами, цветами и со всеми своими обитателями, птицами и зверями, и «с бобры в реке», как говорится в древнерусских летописях, — единогласно, как граждане нашей страны, голосуют за прекрасную жизнь, за ее расцвет и расцветание! За мир, труд и благоденствие на своей земле!)

пернатое воинство

(Сильная метафора с эвфемизмом — стая птиц, которая готова бороться за свое счастье. — **Н.К.**)

В стороне от пляски вечного огня

И:

ветер плясал «кукарачу»

(А полыхание огня, с извивами языков пламени, и в самом деле имеет что-то общее с пляской, как и движения порывистого ветра — с танцем «кукарачу». — **Н.К.**)

Нельзя не обратить внимание и на ЭПИТЕТЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ Сергея Попова, в том числе на такие ироничные, как, например:

«наглый ветер», «безбашенная природа», «выцветшие слова», «агрономические невзгоды», «обанкротившиеся места», «гостеприимный Аид»...

Попадают у Сергея Попова и свои ИНВЕРСИИ:

«по льду и пламени пройду...
и направляешься по пламени и льду», —

и свои НЕОЛОГИЗМЫ: «ненормативщина прет косяком»... Между прочим, присутствует эта «ненормативщина» и в некоторых стихах самого Сергея Попова, она играет там стилистическую роль:

А что за погоды кругом — охренеть!

Ночью по снежку идет пешеход:
и все ему, позднему, до или по

(Здесь автор специально недоговаривает слова после частиц «до» и «по», чтобы соблюсти меру в использовании табуированной лексики и вызвать у читателей интеллектуальное напряжение при разгадке этих слов и улыбку.)

Бывают у авторов такие стихи, по которым не поймешь, в каком веке они сочинены. Там нет лексики, соответствующей своему времени. У Сергея Попова с этим все в порядке. По его стихам видишь, что они сочинены в нашем XXI-м, а не в каком-то ином веке. Это видишь и по языку, по лексике: «бабло», «фейсбучные лайки», «аудиодиски», «вирус», и по перифразам крылатых выражений: «грязь на все времена», и по реалиям нашего времени — хотя бы в этих строках:

Русопяты, семиты, татаре,
самоеды, абреки, хохлы...

Все устроено по-человечьи —
распальцовка, базар, мордобой...
чтоб галдело всемирное вече
в пользу очередной мировой.

В стихах Сергея Попова органично входят и старые пословицы и фразеологизмы, и «подблюдное пенье», и строки давнишних песен, приспособленные поэтом к нашему времени, которые выглядят как центоны: «по долинам... по взгорьям», «на войне как на войне», «слово — не воробей», «вперед и с песней», «без руля и ветрил», «каждой твари по паре», кто-то «бредит сумою-тюрьмою», кто-то не относит себя «ни к эллину, ни к иудею».

А что у Сергея Попова происходит с мальчиком, который в русских сказках «Рос не по дням, а по часам» и вырос?

И мальчик тогда начинает стареть
по дням, по часам, по минутам.

Это он сам и есть — главный лирический герой, который называет себя «празднолюбом и балбесом» «с аполитичной точкой зрения» и который говорит, что «времена кругом как всегда дрянные», беспросветные, и мечтает о чем?

проснуться и грезить,
как где-нибудь лет через десять
появится солнце в окне.

А какие еще персонажи фигурируют на страницах книги Сергея Попова? «Фофанов с закуской, Маяковский с крошечным», «садовник в недрах сада»... и много кто еще... И умершие существуют наравне с неумершими, как воскресшие во сне. И уходят в никуда и машут кому-то рукой из ниоткуда и окликают кого-то. «Они все умерли». Умрут и все живущие, «умрут и потомок, и предок», и окажутся «в полях гостеприимного Аида» (или Царствия Небесного). Но и там они будут по-своему живы.

«Поздний вираж» — книга о том, какие виражи во времени и пространстве и в своей поэзии совершает поэт Сергей Попов, и что волнует и не может не волновать этого нашего современника, а также и каждого читателя, который будет читать его книгу.

Нина КРАСНОВА

РЕКЛАМА

ГАЗЕТА «ПОЭТОГРАД»

Печатный орган Союза писателей XXI века
и холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Газета учреждена в 2010 году
издателем Евгением Степановым.

Периодичность — 1 номер в месяц. 4 полосы.

Газета выходит в электронном и печатном видах, продается
в столичных киосках, а также в книжных магазинах
«Москва» и МДК на Арбате.

Главный редактор — Евгений Степанов.

РЕКЛАМУ В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»
МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ольга Любимова**Переулки жизни**

М.: Издательство Евгения Степанова,

Издательство «Клуб печати», 2026

Что наиболее важно в судьбе человека? Не даты войн и смены режимов, которые история запишет сама. Лишь ворох мелочей, услышанных и подсмотренных за долгую жизнь между воздушными тревогами Москвы и сиренами Иерусалима...

...В иерархии городских дорог переулков занимает позицию локального проезда. Его главная задача — обеспечивать коммуникацию между крупными линейными артериями, разрезая их на кварталы. Проще говоря, это короткая улочка, которая обычно режет большие проспекты поперек, чтобы можно было срезать путь. Но бывает и так, что он вклинивается между проспектом и другой узкой улочкой, или вовсе петляет между такими же маленькими переулками. Назвав эту тоненькую книжечку «Переулки жизни», автор дает нам понять: повествование будет мозаичным, автобиографичным, однако ни в коем случае не бессвязным. Хочешь погрузиться в определенный отрезок времени — открывай конкретную главу и ныряй во время, которое тебе показывает умудренный жизненным опытом человек. Именно она и ходит по переулкам, соединяя довоенную пору, годы Великой Отечественной и последующие десятилетия — вплоть до наших дней.

За маской Ольги Любимовой прячется Алиса Аркадьевна Гринько, перед которой не стоит мучительный вопрос: как писать о минувшем? Ключевая цель — сделать ушедшее время визуально осязаемым. И автор достигает своей цели, выбрав единственно верную линию повествования: разговор с читателем. Текст отливается доверительной, почти разговорной интонацией: «Меня мама назвала Алисой по имени своей подруги из Сокольников Али Предель, которая в войну была выслана из Москвы из-за немецкого происхождения. Но у меня есть второе имя, оно записано в церковной книге, церковь эта, кажется, Спаса, и сейчас высится в конце бывшего Сокольнического Вала, недалеко от метро. Там бабушка Мария Осиповна крестила меня Александрой, а тетя Лина была моей крестной». Это объемная экспозиция, в несколько предложений которой автор уместит большой пласт жизни. Писательница успевает ввести в мемуары главную героиню, обозначить основной конфликт (разрыв между внешним именем и внутренней сутью), задать место действия, погрузить читателя в атмосферу эпохи сталинских репрессий и позднесоветской повседневности, а также очертить круг ключевых женских фигур. Перед нами классический пример автобиографической литературы: макрокосм Большой Истории (война, депортации, антирелигиозная политика СССР) раскрывается исключительно через микрокосм семейного альбома, городской топографии и записи на полях церковной книги. Личное имя оказывается главным документом времени, связывающим частную жизнь с трагедией целого народа.

В хорошей автобиографии все держится на деталях. Именно они заставляют прошлое снова дышать перед глазами читателя, незаметно прячут между строк второй, более глубокий смысл и без лишних объяснений дают понять, на чьей стороне находится сам рассказчик. Так, одна деталь военной поры выстраивает каркас подтекста, позволяя соотнести частную судьбу автора-рассказчицы с большим временем: «У меня были густые, пышные волосы. Мама сажала меня у стола, раскладывала лист бумаги и очень частым гребешком вычесывала вшей. Они падали с жирным стуком, крупные и серые». Об этом не принято было говорить, поскольку причины банальны: ежедневная антисанитария, скученность людей в побитом войной городе. Тем не менее Ольга Любимова сознательно вводит в текст эту деталь, и она врезается в память читателя благодаря своей отталкивающей «приземленности». Война помимо всего прочего — это еще и грязь, нищета и невзрачные кровососущие паразиты...

И как подозрительно тихо выглядит мир, еще такой устойчивый, в который трудно поверить до конца: «Картинка. Я лежу на верхней застекленной террасе на даче в Немчиновке и слышу, как мама и тетя Зоя внизу говорят о непривычной тишине мирного времени, когда не слышно такого знакомого

голоса Левитана: "Граждане, воздушная тревога!" Только непрерывный вороний гай в верхушках высоченных сосен». Немчиновка — знаковый дачный поселок для советской интеллигенции (здесь жил Казимир Малевич, гостили многие деятели культуры). Упоминание конкретного топоса мгновенно задает атмосферу: это место отдыха, созерцания, отрыва от городской суеты. Однако автор разрушает эту идиллию историческим контекстом. Дача становится точкой пересечения двух времен — довоенного покоя и хрупкого послевоенного мира. Ольга Любимова фиксирует тот самый момент экзистенциальной растерянности, когда человек выжил, но еще не понял, как ему теперь жить в мире, где больше не объявляют воздушную тревогу. Но еще слишком свежи воспоминания маленькой девочки. Сказывается пережитый голод, не отступает липкий страх будущего: «Тайком собирала в маленькую коробочку обкусанные огрызки сахара — для мамы, "на черный день", если вдруг опять...» Многоотчие просто вопиет, заменяя собой слишком страшное слово. Лучше оборвать фразу, «подвесить» в воздухе напряжение. Все и так понятно.

А потом были юность, зрелость, замужество, развод, работа, слом эпох, «лихие 90-е», эмиграция... Думаю, нельзя не восхищаться автором, этой удивительной женщиной. Чего только ей не довелось пережить!.. Петляя переулками, мы движемся вместе с ней от одной «узловой» точки жизни до другой, останавливаемся, сопереживаем, переводим дух и не перестаем удивляться: сколько событий выпало на ее долю, а она не то что не унывает, а пробует на прочность эту жизнь вновь и вновь. Вырастила сына. Написала семнадцать книг о разных эпохах, в которых с дотошностью профессионального историка воссоздает дух прошлого. Решилась на отъезд из России, будучи уже на пенсии. Другие бы на ее месте жаловались на жизнь и ругали власть, а она помогает оставшимся на родине близким и пишет книги. Обо всем этом Ольга Любимова рассказывает спокойно и с достоинством, тщательно взвесив каждое слово. Автору нет нужды конструировать сюжет: она лишь документирует готовую жизненную канву, сложившуюся непросто, но весьма интересно.

В автобиографии сосуществуют два времени: момент написания и момент совершения событий. Прошлое реанимируется памятью, позволяя автору взглянуть на себя прежнего со стороны. Текст рождается на стыке этих двух взглядов — непосредственного опыта свидетеля и осмысления этого опыта участником сегодняшнего дня. Сегодняшняя реальность автора — Иерусалим. Двадцать шесть лет жизни на земле обетованной. Знания, которые невозможно почерпнуть из путеводителей. Этот опыт надо прожить, окунуться

в местное общество, и, что самое сложное, — адаптироваться, не изменяя себе. Но Ольга Любимова не идет на поводу извечного: «А что люди скажут?!» Люди могут говорить все, что угодно, а она верна себе: «Жила всегда на нулевом этаже, у земли, здесь называется: "карка", чтобы моим котяткам удобно было прыгать через зарешеченное окошко погулять на воле и запрыгнуть обратно... У религиозных не принято, даже, кажется, запрещается держать в доме животных. Как-то ко мне в дверь постучали, молодая дама с ребенком на руках со страхом поведала: „У вас на окне сидит кошка!“» И снова мы видим мастерство автора: художественная деталь показывает нам разницу жизненных укладов, возможный конфликт, который, к счастью, так и не случился, и жизненную позицию уверенной в себе женщины.

Здесь мне не хочется цитировать размышления автора о политике, поскольку ее рассуждения о сложившейся экономической обстановке во многом совпадают с мыслями читателей. Кто-то разоидется с автором во мнениях, но важно другое: вне зависимости от политических событий, от современной «расстановки сил», человек волен выбрать себе стезю, а выбрав, идти по ней, не сворачивая. Даже если кому-то эта позиция окажется, мягко говоря, непонятна. А еще важнее мастерство писательницы: Ольга Любимова вставляет в повествование микроэпизоды, которые «вешают» побольше пухлого учебника по культурологии. Так, например, проявляются культурные различия между русскими и эфиопами, обитающими в одном из районов Иерусалима, когда дело доходит до спасения редких растений: «Одна беда, жаловалась Аня. В ее подъезде поселилась многочисленная эфиопская семья. Все бы ничего, но молодой мужчина из этой семьи по ночам выдергивал появляющиеся весной росточки наших посадок. Она говорит, что этот выдергиватель не обязательно злостный хулиган. Просто он хочет, чтобы здесь опять была пустыня». Тон автора просто великолепен. Этот фрагмент — плотный, многослойный текст, который при внешней простоте бытовой зарисовки поднимает глубокие темы ксенофобии, столкновения цивилизаций и природы человеческой агрессии. Писательница не комментирует слова Ани напрямую, она подает их через пересказ («жаловалась Аня», «она говорит»). Настоящая рассказчица сохраняет отстраненную позицию наблюдателя. Между тем смыслов здесь столько, что если расписывать каждый, понадобится целая тетрадь. При этом все предельно ясно. А главное — те, кто сажают живое, все-таки сильнее тех, кто выкапывает, по крайней мере их двое, и они свое дело не бросают...

Мемуары верят факту. Автобиография верит умыслу. Первые ищут истину, вторая — смысл. Поэтому первые могут закончиться, а вторая длится до последнего вздоха, и читая ее, представляешь себе то, что не сохранит ни один архив: картинки, звуки, детский фольклор. Фотографии автора дополняют книгу и делают ее, не побоюсь этого слова, уютной. Человек рисует портрет времени, рассказывая о себе, а наше дело — присоединиться, понять, в идеале — принять, но тут уж все зависит от конкретного читателя. Своей книгой Ольга Любимова доказывает, что Зинаида Гиппиус, которую она упоминает в аннотации, была права: крупное напишут без нас. От каждого останется только эта мозаика мелочей.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

книги

газеты

журналы

интернет-издания

блоги

литературный портал и магазин
современной литературы и периодики**КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ****КИОСК**

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Русская традиция всегда подозрительно относилась к богатству, нажитому не праведным трудом, а хитростью или при помощи «ловкости рук». Вспомните отношение старообрядцев к капиталу или советскую презумпцию «нетрудовых доходов». Наш культурный код оправдывает благополучие только тогда, когда оно выстрадано: честно заработано и готово в любой момент стать общим ресурсом — будь то монастырская казна, «касса взаимопомощи», существовавшая на каждом советском предприятии, или праздничный стол для соседей. А как же глубокие смыслы, которые вкладывает в это понятие русский поэт?.. Тут все просто: для него материальное, так называемая «жизнь тела», становится лишь подспорьем для жизни души. Для того чтобы иметь возможность высказаться. Желательно не «в стол».

...О Нине Красновой говорить можно долго и восторженно, и это будет правдой. Название книги — «Мои земные блага». Но давайте честно, о каких таких «благах» идет речь? Уж точно не о деньгах или счетах в банке. Это не для поэтов, а для тех, кому больше нечем заняться. Для Нины богатство — это когда ты просто живешь, дышишь, любишь (и тогда каждый день драгоценен!). Любуешься куполами Рязани, стоишь посреди шумной Москвы. При этом везде чувствуешь себя как дома. Чувствуешь под ногами всю Россию, обнимая взглядом весь этот огромный Божий мир... Когда рядом свои люди и пушистые-хвостатые «братья наши меньшие». Ну и стихи, конечно. Без них для поэта жизни просто нет — одна пустая оболочка. Вот стихотворение, датированное 1987 годом, в котором чувство, чисто женское, настоящее, хоть и рвется к читателю, но по правде жаждет быть услышанным исключительно адресатом:

Я хотела бы
быть изображенной
на гербе твоего сердца,
как Сирена с изогнутым мечом
на гербе Варшавы.

Эта книга сложилась из поэтических подборок, опубликованных в периодических изданиях Союза писателей XXI века. Стихотворения разных лет, разных жанров: от озорных частушек до посвящений умершим друзьям. Словом, произведений много, они отражают разные периоды жизни автора, и если читать их по порядку, складывается солидная автобиография, в которой, как в реальной жизни, найдется место для любого настроения.

Поэзия Нины Красновой — это акустическая комната, где сталкиваются звуковые волны разной природы: низкое гудение рязанской земли, хрустальный звон академической логики и резкий цифровой писк современности. Казалось бы, она несет в стихи все, что видит вокруг: как между собой уживаются столь разные смыслы?.. За маской нарочитой простоты, по сути — чисто риторическим жестом, — скрывается оптика ювелира. Она подмечает микрособытия бытия и высекает из них смыслы, недоступные поверхностному взгляду интеллектуала («Ода одиночеству»):

ОДА ОДИНОЧЕСТВУ —
ОДА ОД ИНОЧЕСТВУ.

Именно так: заглавными буквами, прямо-таки бьет по глазам. Немой крик анаграммы — мысль, от которой становится физически холодно. И такой точный диагноз поставлен, что страшно. А «всего и делов-то»: буквы раздвинуть...

Материя обретает вес только тогда, когда служит противовесом для полета духа. Христианская мысль лишает земные блага их абсолютной власти: она переводит их из категории «цель» в категорию «средство». Поэзия же говорит с нами

Нина Краснова Мои земные блага

М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

о многом. Но самым тихим шепотом — о том, что остается от человека, когда все земное уже разрушено («Травка на твоей могиле»):

Я давно к тебе на кладбище не ездила, прости.
На твоей могиле травка — из тебя! — успела прорасти.
Я не буду эту травку обрывать, косить, полоть,
Ведь она — твоя в каком-то высшем смысле плоть.

Эта травка — символ жизни неисчезнувшей твоей.
Я налью «Святой источник» в кружку и себе, и вот и ей
И водой саму себя и эту травку попою,
И твои, синхронно с ветром, песни попою...

Тихое причитание, которое хочется разделить. Это как-то неправильно, не по-христиански, что ли... Сколько в этом стихотворении любви к жизни и к тому, который когда-то украшал эту жизнь!.. Мы ведь как воспитаны: могила должна быть чистой, черной, правильной. А здесь все наоборот. Женщина принимает аутентичность дикой природы, потому что видит в этом чудо. Человек после смерти питает собой землю. Заметьте, о душе не сказано ни слова: где находится душа, и так ясно. Текст — о продолжении земной жизни, только в другом образе. Это звучит жутко, но в кладбищенской травке больше памяти о человеке, чем во мраморных надгробьях. И когда, дочитывая, доходишь до этого «попою» вместо «поливаю», ком встает в горле. Какое-то детское, доброе слово... Оно делает ушедшего в мир иной настолько близким, что плакать хочется. Мы знаем, кому посвящено стихотворение. И оттого, что он не назван по имени, про себя благодарим автора, потому что в скорбную минуту каждый из нас может подставить сюда образ своего близкого. Обратите внимание на последнюю строку: точка отсутствует, стоит многоточие. Окно в тот мир приоткрыто. Разговор никогда не закончится...

А вот — другое стихотворение. О творчестве. Тихое, напевное, тоже немного детское, однако в голосе автора звучит грозное предостережение:

Запряги Пегаса белой масти
Со своим особенным тавром.
Творчество должно на первом месте
Для поэта быть, не на втором.

На втором, на пятом и десятом
Все другое вечно быть должно.
Это ясно даже и детям,
Это ясно детям даже, но...

Если по причине той и этой
Ты нарушишь мест порядок, да? —
Песенку твою считая спетой,
От тебя сбежит Пегас тогда.

Песенка так проста, что некоторые снисходительно улыбнутся. Подумаешь, современная басня. А на деле перед нами — это невероятное сочетание несочетаемого: благородный античный зверь дышит в ухо простой русской частице «да?», а где-то сбоку спотыкается нежное, дошкольное словечко «детям». Так говорят люди, которым пришлось слишком дорого заплатить за прописные истины. И этот четкий, почти военный ритм... Он пугает и успокаивает одновременно. Пока ты жалуешься на свои «житейские причины», строевой шаг четверостишия вбивает в тебя главное правило творческой жизни: или дисциплина, или... молчание. Третье невозможно.

Финал стихотворения страшен своей бытовой простотой: никто не придет карать поэта громом небесным. Просто однажды утром ты проснешься, заглянешь в стойло, а оно пусто...

Ну и не могу удержаться. Раз уж мы говорим о многообразии авторского дарования, грех не процитировать кусочек весьма игривого текста (откройте книгу — и поймете о чем):

Гимны я пою ему и оды
И не признаю развратной моды
На муляжи разные, вибраторы,
Кем-то для чего-то выбираторы.

Не надо хихикать, пожалуйста! Это произведение — манифест поэтической свободы от диктата индустрии удовольствий. Автор заявляет: никакие технические новинки не заменят подлинного... творческого экстаза (ну, вы поняли!) Комический эффект, возникающий из-за несовпадения формы и содержания, лишь усиливает авторскую позицию: только живой и настоящий, иначе никакой радости! Как женщина я ее понимаю. И поддерживаю обеими руками!..

...Творческий метод Нины Красновой строится на принципиальном отказе от идентичности как константы. Любая попытка загнать авторскую мысль в клетку «лирика», «фольклориста» или «авангардиста» (при том, что во всех жанрах как поэт Краснова проявляется очень ярко!) разбивается о следующую страницу ее книги. Сегодня она дышит вам в ухо нежным ямбом, завтра плюется едкими верлибрами, а послезавтра — заставляет плясать под свои ернические частушки. Это не отсутствие позиции. Это высшая форма свободы. И самое удивительное, что посреди этого представления, чуть не оглохнув от разнообразия масок, вы слышите абсолютную наготу ее собственной души.

Татьяна Бек говорила когда-то: «Нина Краснова — явление уникальное. Ее не припишешь ни к городу, ни к деревне, ни к традиции, ни к авангарду, она одна такая, какая она есть». И в этой фразе местоимение «одна» работает на нескольких уровнях: единственная в своем роде, одинокая (стоящая особняком) и целостная (единая). Не о такой ли уникальности втайне мечтает каждый поэт?..

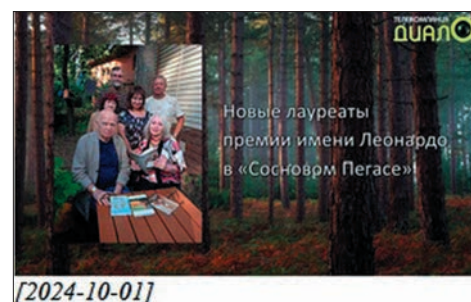
Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания Евгения Степанова «Диалог»

создает фильмы о тех людях и фирмах,
которые добились значимых результатов в жизни

ПОЭЗИЯ

БЕРЕМЕННАЯ

Она проснулась...
Больше
Не
До
Сна.
Уже пошли
Подпочвенные
Воды...
Теперь,
Конечно,
Скоро
Будут
Роды —
Беременная
Женщина-
Весна.

1989

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ
СКАЗКИ, МЕЧТЫ И СНЫ

Алексей Васильев — журналист, педагог, поэт. Родился в 1963 году в Симферополе. Окончил Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе по специальности «Русский язык и литература». Участник программ обучения Всемирной Ассоциации русской прессы (ВАРП) при ИТАР-ТАСС и летней школе мультимедийной журналистики Высшей школы журналистики ГУ-ВШЭ. Автор поэтического сборника, романа, соавтор исторического исследования. Доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета. Заслуженный журналист Республики Крым, лауреат Государственной премии Республики Крым.

Женщина — ангел
Ненастоящий —
Крылья сокрыты в груди.
Губами к ней припади
И сделай ее
Парящей...

1992

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЛЁСИКА

Солнце тихо постучало
Утром Лёсику в окно.
— Солнце, Солнце,
Рассказало б,
Что на свете повидало
По пути, пока темно.
— В час, когда проснуться рано, —
Ты еще в объятьях снов, —
Я встаю из океана
У Японских островов;
И вода, с меня стекая,
Превращается в туман,
Как в гравюрах Хокусаю,
Как на шелке у Кадзан.
А потом лечу скорее
Среди ранних птичьих стай
Через дальнюю Корею,
Через призрачный Китай,

С высоты обогревая
Все, что мерзло до сих пор.
Но не тает снег Китая
На вершинах диких гор.
Позже сказочные земли
Мне покажутся вдали —
Где-то там тревожно дремлет,
Спит шестая часть земли...
Горы Крыма я встречало,
Где по южному тепло,
А потом я постучало
Прямо Лёсику в окно!

Конец 80-х

БЛЮЗ ЗАБЫТОЙ СОБАКИ

Остались в прошлом
Сказки, мечты и сны...
Не будем пошло
Спорить, кто прав — я или ты.

Я заливаю бензина полбака
И мчусь навстречу весне!
Только вот осталась собака
В моем странном тягостном сне.

Я прошу: накорми собаку,
Что осталась в моем долгом сне.

16 марта 2023

ПРОЗА ПОЭТА

Ольга МИХАЙЛОВА
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАМЕТКИ. К ОСЕНИ

Ольга Михайлова — прозаик, поэт. Известна публикациями в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Фото Travel», «Эгоист Generation», «Детское чтение для сердца и разума» и газетах Linnaleht (Таллин), «Литературные известия», «Поэтоград». Она — автор нескольких книг. Живет и работает в Москве.

В тишине, в скором движении легких облаков промелькнула осень. Засквозило так, что дух захватило. И откуда-то взялась усталость — непривычной ношей навалилась на плечи...

В неожиданной зябкости утра суетятся-перелетают с деревца на деревце зяблики. Рассматриваю в бинокль птиц — а что, если среди них отыщутся юрки? Эти птички часто образуют смешанные стайки в период осенних и весенних миграций.

Но что это? Под кустом свидины, пару шагов всего, что-то как зашуршит! Темно — ничего не видно. Крысы? Их здесь, вблизи птичьих кормушек, немало. Оказалось, черный дрозд, почти слившись с постепенно рассеивающейся ночной тенью, переживал ее неуютность. Потревожила его — заверещал-заверещал и подальше от меня, только его и видели. Зато малым синицам вольготнее — ковыряют хрустящие коробочки сирени. Среди березовых веток тоже оживление — чижи на них болтаются, словно сережки.

В этом году обошлось без трагедий — травяной покров не тронули, не скосили. Постепенно он ослабел, многие растения полегли, однако ноги в них все равно путаются... На минутку остановишься, чтобы освободиться — откинуть в сторону ломкий перезревший вейник или приставучий полевой выюнок... Многочисленные дикорастущие злаки местами по пояс — стоят эдакими непреклонными стражами.

Пройду, пожалуй, по протоптанной тропе — так легче, привычнее. Чечевиц не слышно — улетели, наверное. Они

прилетают позже остальных птиц — в мае, а улетают раньше, не надеясь на бабье лето.

Ладонью провожу по верхушкам пушистых метелок, по привычке цепляя слоистые сплюснутые колоски тимopheвки, темно-коричневые орешки конского щавеля или вымахавшие шершавые столбики подорожника — вдоль дороги его особенно много. Когда-то август был месяцем заготовок — я собирала для моих волнистых попугайчиков семена растений, которые становились им дополнительной подкормкой в зимний период.

Наблюдаю, что изменилось к концу августа, что не так... И вот странность — рябины стоят голые. Неужели птицы склевали еще несозревшие ягоды? Что же будет зимой? И тут кузнечик застрекотал и умолк, сам себе удивляясь: «Что это я?»

А природа по-прежнему поражает — цветет тысячелистник, козлобородник, клевер... Как будто лето резвится на лугах... Но все чаще попадаются темные понурые головки — венки из такого клевера не сплести. Кое-где единичными всполохами мелькают цветки зверобоя, а вот золотарник и пижма не сдаются. И становится от них вокруг еще светлее и радостнее. Цикорий наперекор осунувшемуся небу демонстрирует, каким оно может быть — голубым-голубым.

Щеглы, взрослые и молодняк, облюбовали репейник. Внезапно встревожились, зазвенели голосками и врассыпную — пустельга пронеслась. Сорвались скорее от неожиданности — опасности для них этот представитель семейства соколиных не представляет. Серая ворона заголосила и нырнула за гряды деревьев. И вдруг из-за них уже две птицы —

ворона и пустельга. Ворона гонит хищника, а та уворачивается и в пируэте уходит вниз, садится на ветку и все внимание в сторону полянки. Тотчас срывается, делает круг и зависает прямо передо мной — вот это удача! Заприметив добычу, она опускается все ниже и ниже, и я уже не вижу ее за травой. Пять секунд, птица уходит в темноту дальних крон, крепко сцепив когти на безжизненном меховом комочке — мышью поймала...

Небо на глазах мрачнеет, словно подводит черту — лету конец. Но похожу, пока не устану, или дождь не прогонит — он может... И я могу — оставаться верной своему лету и птицам.

25.08.2026, окрестности Царицынских дач

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мало сейчас хорошей литературы для подростков. Как читатель говорю, не как критик. Да вы это и без меня знаете. Маленькие дети обычно умиляют окружающих. А подросток... ну что это за человек? Уже не ребенок (поэтому никаких тебе нежностей от старших) и еще не взрослый (поэтому его «проблемки» старшими, как правило, не воспринимаются всерьез). Ну бегает себе, учится, делает уроки... Что в его жизни может быть интересного?..

Рассказы Лириды Кружковой стали для меня приятным открытием. Оказывается, есть еще нормальные взрослые, которым интересно не только то, какую отметку получил внук за контрольную по алгебре. Она пишет рассказы для своих внуков, и с высоты жизненного опыта (а родилась Лирида Аваковна в осажденной Москве в 1941 году!) создает простые и добрые истории, которые интересно читать. Судьба дала автору надежный фундамент — диплом Энергетического института и 25 лет работы в науке. Но стены НИИ оказались тесны для такой широкой натуры. Кем она только ни становилась! Воспитывала олимпийскую надежду страны, возвращала красоту старинным блюдам в артели реставраторов и держала руку на пульсе столицы как корреспондент ведущих газет. Теперь вот радует читателей, и от ее рассказов на душе становится по-особенному уютно: как будто беседуешь с дальней родственницей, которую давно не видел...

Если вас никогда не дразнили одноклассники, вам можно только позавидовать. Но тогда вам будет трудно понять обычную историю: тот, кто сам чувствует себя самым слабым в классе, первым начинает дразниться. Ему кажется, что если он назовет тебя дураком, то про него самого подумают, что он крутой. Но каково тому, кого дразнят? Взрослые обычно дают совет типа «не обращай внимания» и умывают руки. Но школьник Вовка, герой Лириды Кружковой, проходит через эту непростую ситуацию благодаря дружеской поддержке. Так заканчивается рассказ «Кастрюля», давший название сборнику: «И ему уже не казалась его фамилия ужасной. Даже ничего себе фамилия, Дусеев. Теперь он не будет бояться услышать свою дурацкую кличку, а просто подойдет, даст портфелем по макушке и все. Всем. Кроме Ленки». Первая часть финального абзаца звучит примирительно и спокойно, вторая — благодаря динамичным глаголам («подойдет, даст...») — агрессивно и утвердительно, конец («Кроме Ленки») — снова мягко и растерянно. Легализация собственной идентичности («Даже ничего себе фамилия, Дусеев») сменяется планом физического действия («даст портфелем по макушке»). Подумал человек. Хорошо подумал и готов действовать.

Написано это все в 1985 году. Господи, как это далеко!.. Для меня и вовсе — целая жизнь. Но актуально по сей день, не только для мальчишек и девчонок. Это микротекст с макросмыслом. Так и взрослеют люди: преодолевая себя. Автор

Лирида Кружкова Кастрюля

М.: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

использует минимум средств, чтобы показать сложный психологический механизм: формирование мужского характера через преодоление социального стыда. А уточняющая фраза «Кроме Ленки» спасает текст от превращения в примитивную историю про драки. Это было бы слишком «в лоб», тогда как автор не желает, чтобы его герой просто «пошел и разобрался» с кем надо. Она напоминает, что любая агрес-

сия — лишь маска, которая слетает, когда речь заходит о чувствах. Портфель, которым герой собирается наводить порядок, остается символом ученичества: жизнь только начинается, и главные уроки (в том числе уроки любви) еще впереди. А при чем тут кастрюля? Читайте — узнаете!

Мальчик Лёшка, центральный персонаж рассказа «Пока нет мамы», переживает необычный опыт (жаль, конечно, что это все-таки сон!): «Лёшка узнал мамин голос, огляделся, но все еще не мог понять, где он и что с ним? Конечно же, он дома. Вот вездеход, вот мама трясет его за плечо. Но вдруг недавняя встреча с удивительной ясностью встала перед его глазами. Он мысленно вернулся в ту странную столовую и до мельчайших подробностей вспомнил свой разговор с мальчиком Тоном про кольца, про беговушку, стулья-анализаторы, центральную кухню. И внезапно щемящая тоска навалилась на него — где же он был? Куда все делось? Это же не сон, это было! Было!» Данный фрагмент представляет собой классическую сцену пробуждения с элементами когнитивного диссонанса, характерную для психологической или научно-фантастической прозы. Текст описывает момент столкновения двух реальностей: привычной домашней и яркого, но ускользающего сна. Мальчишкам было о чем поговорить, но, к сожалению, их разговор прервался на самом интересном месте...

Отчаянное лёшкино восклицание: «Было!» — это крик души против обесценивания опыта. Для него эта «странная столовая» важнее и реальнее, чем родной дом с вездеходом. Автору удается передать сложную гамму чувств мальчика, который прикоснулся к чему-то большему. Автор детализирует вымышленный мир через названия предметов («анализаторы», «беговушка»), что делает его невероятно достоверным (так бы и сама слетала бы туда!). А простая человеческая эмоция — щемящая тоска — заставляет читателя сопереживать герою гораздо сильнее, чем если бы речь шла о спасении галактики. Вопрос: «Где же он был?» остается открытым, и сама эта ситуация становится для героя большой тайной...

Эта небольшая книга — три рассказа и три стихотворения о собаках с жизнеутверждающими иллюстрациями Соны Адалян — работает как детектор забытых эмоций. Мы вспоминаем состояние абсолютной уязвимости, когда все было впервые и казалось невероятным. Кто из нас не хотел в детстве завести щенка?.. А кто-то приносил бездомыша с улицы, и некоторые родители, скрепя сердце, принимали «подарочек» в семью... Так что, если хотите снова почувствовать себя живым — возьмите эту книгу и закройте в комнате. Большой мир пусть сам разбирается со своими кризисами пару часов.

Ольга ЕФИМОВА

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ- КЛАССИКИ»

Кроссворд
составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Жизнь Клима Самгина».
5. Автор повести «Белеет парус одинокий».
7. Автор романа «Земля Санникова».
9. Автор романа «Доктор Живаго».
11. Автор романа «Кортик».
13. Автор романа «Мы».

По вертикали:

2. Автор романа «Блистающий мир».
3. Автор романа «Московская сага».
4. Автор романа «Два капитана».
6. Автор романа «Разгром».
8. Автор романа «Белая гвардия».
10. Автор рассказа «Каштанка».
12. Автор романа «Человек-амфибия».
14. Автор романа «Гиперболоид инженера Гарина».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России

«Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>

E-mail: stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Вера Киулина, Анатолий Малкин,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Юрий Поляков,
Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

ISSN 2949-3528

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 2828. Общий тираж 5000 экз.